

О ФЕНОМЕНЕ “ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОДИЧАНИЯ”

Pavel D Simashenkov

► To cite this version:

Pavel D Simashenkov. О ФЕНОМЕНЕ “ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОДИЧАНИЯ”. Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции., Иркутский государственный университет, Feb 2022, Иркутск, Russia. pp.206-212, <10.5281/zenodo.10050862>. <halshs-04263774>

HAL Id: halshs-04263774

<https://shs.hal.science/halshs-04263774>

Submitted on 29 Oct 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Copyright

Симашенков П.Д. О феномене "профессионального одичания".

В сборнике: Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 206–212.

Симашенков Павел Дмитриевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления

Самарский университет "МИР",

443030, г. Самара, ул. Г.Аксакова, 21

pavel.simashenkov@yandex.ru

УДК 331.101.3

О ФЕНОМЕНЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОДИЧАНИЯ»

Аннотация. В статье раскрывается понятие "дикого знания" в контексте практико-ориентированного подхода к подготовке кадров. Сопоставляя актуальные тренды HR-менеджмента, автор подвергает критике тотальную цифровизацию и увлечение образовательными технологиями, способные, по его мнению, дискредитировать профессионализм как социальную ценность. Предотвращение профессионального одичания требует комплекса продуманных и последовательных мер на уровне государственной политики, первоочередно – в области образования и трудовых отношений. Автор полагает, что только так можно вернуть людям и осознание смысла жизни, а в конечном счёте – социальный оптимизм, без которого бессмысленно строить планы и посвящать жизнь профессии.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, цифровизация, VUCA-мир, инновации, профессионализм, прекариат.

ON THE PHENOMENON OF "PROFESSIONAL WILDING"

Abstract. The article reveals the concept of "wild knowledge" in the context of practice-oriented approach to training. Comparing the current trends in HR-management, the author criticizes the total digitalization and fascination with educational technologies, which, in his opinion, can discredit professionalism as a social value. Preventing professional wilding requires a set of thoughtful and consistent measures at the level of public policy, primarily in the field of education and labor relations. The author believes that this is the only way to restore people's awareness of the meaning of life and, ultimately, social optimism,

without which it is pointless to make plans and devote one's life to one's profession.

Keywords: personnel management, digitalization, VUCA-world, innovation, professionalism, precariat.

Сведи к потребностям всю жизнь,
и человек сравняется с животным.
У. Шекспир

... оттого на скачках наших буйных дней
ставят все не на людей, а на коней.
А. Макаревич

"Прекрасно недалёкий": о человеке цифровизационной эры

Выбор темы во многом обусловлен появлением тренда, обозначенного шведским футурологом К. Нордстрёмом. Сами по себе его предсказания до скучного предсказуемы: "к 2025 году в Западной Европе около 50% работ будет замещено теми или иными видами машин. Например, фитнес-тренеры. Зачем использовать реальных людей, если можно один раз заплатить одному тренеру и записать видео, а затем крутить его бесконечное количество раз? То же самое и с преподавателями. Доктора, юристы, бухгалтеры. Их тоже заменят. Это произойдёт в самое ближайшее время. Всё, что можно оцифровать, будет оцифровано" [8]. Россияне, привычные ко всякому, едва ли удивятся сравнению физрука с профессором; скорее наоборот – почувствуют знакомый беспардонный отрывистый-жиринковский тон. Суть, как всегда, в моральном праве жечь глаголом.

Нордический "мыслитель в стиле фанк" [9], уверен, что таковой привилегией наделён носитель холистического знания, именуемого (брендинга ради) диким. Несмотря на претенциозность и нарочитую провокативность, высказывания футуролога продиктованы, как принято выражаться, актуальными вызовами. Обыкновенно на вызовы пеняют, оправдывая заученную беспомощность [15], ступор. Ощущение растерянности перед информационным хаосом растормаживает в человеке защитные инстинкты, а страху никогда не стать "драйвером инноваций". Как показала ковидная катавасия, бессилие и апатия усугубляют друг друга, плодя суеверия и предрассудки, коих абсурдность даст фору самым тёмным векам. Растёт спрос на прогнозы, а тем невыгодно быть оптимистичными, когда их собираются сбывать как откровения. Такова монетизация неведения, посему объяснимо и Нордстрёмово стремление занять рыночную нишу в гаданиях на бытийной гуще. Разумеется, подобного рода деятельность нацелена на специфическую *tabula-rasa*-аудиторию. Именно её, наивную и жадную до внешней новизны, очаровывал Рудольф-Родион из фильма "Москва слезам не верит", когда (за полвека до Нордстрёма!) изрёк: "Ничего не будет. Ни книг, ни газет – одно сплошное телевидение".

По версии Л. Моргана, все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования [7]. Стало быть, открытие виртуальной реальности ничуть не менее значимо, чем, скажем, открытие Америки. Обретённый, но покуда не обетованный мир почти не исследован, а потому

хаотичен и стрессо-опасен: неспроста модный термин VUCA заимствовали из лексикона американских военных, лет тридцать назад обозначавших данным акронимом боевую обстановку (нестабильность, неопределённость, сложность и неоднозначность). В самом деле, многим ли ведомо, что такое цифровая экономика, облачные технологии или большие данные? А ведь выдуманы ещё и VUCA-Prime, SoLoMo, EdTech, scrum, wevolution и мн. др. Слова эти внушают трепет благоговейный. Есть и табуированные понятия – плановая экономика, к примеру. Опасаясь накликать призрак коммунизма, троглодиты цифровизации безглаголиво именуют её "командно-административной".

Изобилие и доступность Интернет-ресурсов возрождают приметы присваивающего хозяйства: цифровые туземцы потребляют контент, падающий к ним "с облака" (cloud-service). Присвоение находки не предполагает избыточности усилий, присущей творчеству. Тут всё натурально запросто: что выросло – то выросло. Вполне естественна и потребность максимально утилизировать знания: "в первобытном мышлении содержание человеческого опыта выступает как мир действий; такова первобытная диалектика" [5]. Популярные офисные забавы XXI века (мастер-классы и воркшопы) выглядят как сеансы симпатической магии – тот же шаманизм, причём в самой убогой (миметической) форме: Mach mit, Mach's nach, Mach's besser! Племена "продаванов" истово веруют в магию татуировок [1] и заклинаний, исповедуя НЛП и посещая т.н. тренинги жёстких переговоров. А наделение знанием признают исключительно в форме обряда инициации с сертификацией. Разумеется, обладатель сакральных лайфхаков непременно не местный, желательно – свыше. Это может быть миссионер, но чаще некто а-ля тов. Бендер с лекцией о плодотворном шахматном дебюте и Нью-Васюкинскими форсайтами. Оно и понятно: божок дикаря – непременно ex machina; он трюкач и немного коррупционер, его можно подкупить и задобрить жертвоприношением. Да и дьявол в деталях уже не кроется, ибо неведомы детали тем, чей мир закодирован однёрками и ноликами. Невежество опасно тем, что быстро обрастает разного рода упрощениями – такое сейчас принято величать "экосистемой", чьи весомые достоинства – автоматизм и саморегуляция – очень даже user friendly.

Одичание есть мерзость культурного запустения. Отчуждение человека от труда приводит к желанию отчудить нечто такое-сякое, дабы стать заметным. Это нездоровое влечение производит на свет девиантов, блогеров, тиктокеров и активистов. М. Харрис, автор бестселлера о миллениалах, свидетельствует: "у нас практически никогда не бывает идеалов, мы стремимся перепрыгнуть их, ведь альтернатива этому – быть проигравшим" [14]. Суровый выбор: или босс, или неудачник. Когда все поделены на заведующих и завидующих, жизненно важно выбиться в люди, а не стать человеком: тут не до сантиментов. Впору либо констатировать заикленную безысходность, либо, как боевой клич, провозгласить инновацию, эдакий прорыв в новую доисторически-цифровую эру. Последнее, само собой, привлекательнее и прибыльнее. Между прочим, в сентениях Нордстрёма не найти чего-то принципиально нового: всё пригодное для оцифровки будет скопировано, клонировано и перекомпилировано. Собственно дикое знание трактуется доступно, без затей, на уровне первого круга ассоциаций – как нечто неподконтрольное университетским укротителям: оно-де "принадлежит отдельным людям, и сохранить его очень трудно. Чтобы перенять чужое личностное знание, нужно находиться с этим человеком в тесном сотрудничестве" [8]. Казалось бы, такая постановка вопроса знаменует новый гуманизм, трепетное отношение к неповторимости

таланта. Ан нет, его тоже загоняют в цифровальни, где грубо усредняют (и всегда – с недостатком).

Дикость загадочна, она цепляет – стало быть, и знанию сему нельзя научиться, его можно только подцепить от контакта с носителем. Так, наверное, думал Санчо Панса о "дон-кихот-коучинге", когда наконец-то сделался губернатором. По нашему разумению, подобные модели передачи опыта делают профанацию тотальной и фатальной, низводящей публику до электорального стада, коему потребны даже не лидеры, а вожаки. Интеллектуальное становление личности обусловлено эволюцией и суперацией (превосхождением пройденного); в этом отличие от процессов социальных, где случаются и революции, а по умолчанию действует инволюция. Конечно, постепенная поступательность затратна по времени и слабопредсказуема по результатам (кто их поймёт и учтёт, эти "микромутации сознания"?) Становится понятным, отчего идея умственного развития противоречит житейским установкам адептов цифровизации. К чему совершенствоваться? – достаточно спорадических инсайтов и периодических обнулений (правительство 2.0, университет 3.0, общество 5.0). У приверженцев безответственной штурмовщины в приоритете ускорение, даже если оно – ускорение свободного падения.

Бывалые вместо квалифицированных

Описывая "Общество 5.0", исследователи склонны придерживаться одной из двух (казалось бы, взаимоисключающих) тенденций: или славословия в адрес цифровой демократии, или осторожные намёки на формирование разночинного прекариата – кадрового резерва грядущего цифрового рабства. Нам представляется, противоречие здесь мнимое: удалённость и анонимность, слышущие за достоинства Интернет-общения, не только поддерживают иллюзию равенства, но (что важнее) сводят на нет какие-либо попытки усювестить начальство. Для эмоциональной разрядки пока допускаются "разговорчики в строю" (комментарии в чатах), но их содержание (а особенно количество) легко заказать ботам и троллям, организуя рекламу или травлю (моббинг). В итоге неформальность коммуникаций дополняется отсутствием гарантий защиты прав их участников. Новоявленное рабство обусловлено вырождением общества в рыхлую совокупность безликих интернет-юзеров, погоняемых и направляемых без всяких заморочек с управлением. Так, "владельцы" миллионной аудитории подписчиков продают их рекламодателям, эта форма работорговли именуется "интеграцией с инфлюенсером". Чураясь обскурантизма, рискнём заявить: засилье сетевых сервисов не только ускоряет деградацию интеллекта – одичание сначала отупляет, а затем и вовсе расчеловечивает.

Управленческая структура в наши дни преимущественно двухуровневая: рабы и надсмотрщик, персонал и администратор. Вполне в русле цифрового когнитивного примитивизма: ноль и единица (хотя начальственная каста разнообразнее по статусам при одинаковости ролей). В заборе выделяется покрашенная дощечка, в строю генерал распознаётся по широким лампасам. Насаждение субординации – верный симптом культурной усреднённости и духовной уравниловки. Западная HR-практика интуитивно это почувствовала, отсюда попытки гармонизировать ситуацию симулякрами вроде реег-to-реег и холакратии. Но если в узком кругу "своих" холакратия ещё приемлема, то прочим предписан прекаритет. Следует, однако, помнить: рабовладение не заслуга, раб

от хозяина отличается лишь по объект-субъектному критерию. Грянет война, и пленный экс-рабовладелец может стать рабом своего завоевателя.

В конце 80-х старшеклассников искушали дилеммой "что бы ты выбрал: гарантированно достойную, но небогатую жизнь – или риск и богатство?" Некоторые, ошавев от безмятежно-счастливого советского детства и ощутив себя флибустьерами рыночных морей, выбирали рискованный заработок (и, соответственно, капиталистическую модель трудовых отношений – в самой лобовой и вульгарной трактовке). Так из освобождённых секретарей комсомола народилось племя "романтиков перестройки" – расхитителей собственной страны (конечно, освобождённых при этом от совести и памяти). С годами даже тем, кто пробовал "перестроиться", стало ясно: стабильность следует почитать одной из фундаментальных ценностей социального государства, особенно – в невротичных VUCA-реалиях. Вот отчего класс профессионалов (стабильное положение и зарплата) в западной иерархии [16] неизмеримо выше лиц с ненадёжной занятостью (прекариев). Российская версия распределения по трудовой принадлежности, как водится, абсурднее и драматичнее: масса работников умственного труда примыкает к прекариату, в то время как полуграмотные бюрократы составляют ядро т.н. салиариата (второго после элиты класса). Статусный рост обратно пропорционален культурно-образовательному уровню. Кого отнести к числу профессионалов при таком варианте классификации – вот вопрос. По сути, и сами "профкомпетенции" в постперестроечной России сводятся к двум простейшим функциям: сортировке и доставке потребителю. Поэтому работник овощебазы, выбирающий гнилую картошку, малоотличим от кастинг-продюсера или блогера-обозревателя, а те похожи на кибер-дружинника, мониторящего контент на предмет обнаружения "информационной гнили" и прочего экстремизма.

Благодаря неустойчивости отношения прекария с работодателем характеризуются, как минимум, взаимным недоверием – стало быть, латентно конфликтны. Фиксировать такое средствами трудового права чревато. "Figaro qua, Figaro là", оперативные исполнители разовых поручений – набирающий популярность формат, где фриланс и свобода выбора на самом деле означают неустроенность и неприкаянность. Как следствие, мода на проектную деятельность и прочие "активности", мало к чему обязывающие эксплуататора и ничем не мотивирующие нанятых им подёнщиков. Всё-таки профессионализм – солидный повод к самоуважению, а вот волонтерство – по большей части удел фрустрированных, компенсация сомнений в собственной социальной значимости.

Отношения с потребителем уже не "человек человеку менеджер" и даже не "человек человеку клиент", т.к. обе модели предполагают конклюдентный, взаимообусловленный и взаимоуважительный характер. Доминирует формула "человек человеку обслуга", когда стороны предпочитают удариться в амбицию, реализуя непомерные запросы и самоутверждаясь за счёт ближнего. Оттого, кстати, ценится медиаторство и прочие успокоительно-переговорные навыки: они помогают если не решить проблему, то не доводить взаимные претензии до откровенного хамства. Мета-компетенции и soft skills, все эти умения уговаривать, недоговаривая – ставят обычаи трактирных половых выше любых знаний и владения профессией.

"Волшебство в сфере услуг" проявляется расширением ассортимента, что, в свою очередь, отражается на количестве клиентов и сумме чаевых. Ориентированность на

потребителя едва ли располагает к развитию: сервис априори намертво привязан к целевой аудитории, а та (уже в силу массовости) инертна в плане культурного роста. Можно ли всерьёз рассуждать о профессионализме услуги и уважении к подобному роду занятий как призванию? Официанты, банщики, швейцары и портье не пользовались в СССР авторитетом. Некоторые из них компенсировали это повадками светских львов, спекуляцией и прочей уголовщиной, мелкой и не очень. Яркий и поучительный пример – в комедии В. Дормана "Лёгкая жизнь" (1964 г.); хотя сейчас, пожалуй, "частников" (учительницу-шляпницу и химика-надомника) провозгласили бы успешными стартаперами, увешали грантами и прославили в капищах молодёжной политики.

Отношение к продукту: и этот критерий ничтожен ввиду смещения фокуса на фабрикацию контента для соцсетей, информационного фастфуда, коему надлежит быть доступным, свежим и удобоваримым. Да и продают чаще уже не продукт, а услугу. Так выгоднее: оказание услуги растянуто во времени и имеет весьма абстрактные, неточные параметры оценки. Полезней изучить повадки и предпочтения контрагента (заказчика, работодателя), чем разбираться в профессии или же в свойствах поставляемого продукта. Освоившись на просторах продажничества, старатели втюхинга почитают за профессионализм умение внушить потребность в себе: дескать, заходите ещё. Удивительно, но схожий шаблон действует для представителей профессий, с которыми желательно контактировать как можно реже (скажем, врачи или правоохранители). Сейчас многие из них успеха ради намеренно провоцируют ситуации, когда "клиент" постоянно нуждается в их услугах.

Отношениями к обществу вообще можно пренебречь за отсутствием такового. Множатся комьюнити – сборища, столь же незатейливые, как и объединяющие интересы: чаще всего прямо или косвенно связанные с шоу-бизнесом, он в РФ – наше всё, от политики до медицины и образования. Формируя вокруг себя комьюнити, бренды обеспечивают лояльность клиентуры; аналогичные технологии используются для обработки электората. Нет хуже участи, чем быть фрагментом толпы и бессознательно двигаться туда, куда влекут её инстинкты или приказы вожака. Безвыходность усугубляется нигилистической доминантой поведения: нет личности – нет и совести, нетрудно отписаться от друзей и даже от гражданства. И подписаться на новых, вливаясь в другую, тоже никчёмную толпу. Вполне логично: стабильно неустойчивому VUCA-миру – гарантированно ненадёжные кадры. Опорой сегодняшнего дна служат виртуальные сборища, пустое множество типа-лидеров и кагбэ-хедлайнеров, где каждый – первый, и каждый первый – никто.

Отношение к делу и коллегам: профессионализм (как и деловая репутация) есть категория социальная. Но кого стесняться кое-какеру, когда окружающие не товарищи и даже не сослуживцы, а фолловеры, хейтеры и вообще – сплошь конкуренты в стяжании мещанского успеха? Всё вышесказанное определяет цинизм как базовый компонент профессионального одичания. Отчасти он напоминает известный наркологам "юмор алкоголиков": та же нескритичность к себе и бестактность к окружающим. Профцинизм часто оправдывается сермяжной правдой бытия и тугим знанием жизни – тем самым диким знанием, которое ныне превозносится как единственно верное и абсолютно эксклюзивное. Оно ничтожно без иерархии, ибо адресуется непросвещённой и неопытной аудитории. Следовательно, проще собрать невежественную толпу – благо внедряемая парадигма "посильного образования" процветанию невежества более чем способствует. Матёрые

коучи конгениальны своей невзыскательной публике: как говорится, в детсаду и первоклассник сойдёт за Нобелевского лауреата. Словами Салтыкова-Щедрина, "нет ничего самолюбивее умственной голытьбы, собственным умом дошедшей до каких-нибудь младенческих соображений". В целом, налицо несоответствие якобы грядущей глобальной меритократии [13] и уникальности дикого знания, призванной подчеркнуть престиж его носителя.

Успех не всегда спутник репутации, в сегодняшней России он нередко с душком криминала. Преуспевание в органах власти не исключение, и добиваются его бюрократы – те самые "генералы бумажной карьеры", практики канцелярских манёвров, знатоки службы изнутри. Чрезвычайно актуален спрос на проактивную информированность (осведомитство) – весьма специфичный сервис, когда меркантильные профи из контролирующих органов предупреждают клиентов о предстоящих проверках и облавах от Рос***надзоров. Ещё один "коронный номер" чиновного менторства – мастер-классы по благонамеренному уклонению и спихо-технике (практике делегирования полномочий).

Смена эпох всегда начиналась упадком цивилизации, а тот ускорялся, как только управлению придавали черты профессии. Для наглядности: недавно одобрен запуск пилотного проекта [10] по оценке управленческих компетенций студентов (вспоминается щедринский термин "гвардейская правоспособность"). Солидность затеи сомнений не вызывает – и критерий рационален, и механизм сортировки прост: кого в городские, остальных – в полковые. Правда, в традициях добровольно-принудительного послушания управленческая одарённость мало чего стоит; работника эксплуатирует и стимулирует сама ситуация, порядок вещей. Когда белка в колесе, команды ей уже не требуются, только с ритма сбивают.

Без разницы, кто кем работает, важнее – на кого. Кадры готовят "для экономики", как товар на продажу. Сам же рынок труда всё больше походит на рынок невольничий: тот же спрос на молодость, крепкие зубы, широкую спину и нерассуждающую исполнительность. Первостепенная задача – понравиться работодателю, дабы потом удовлетворять его потребности. Сие отнюдь не зазорно, наоборот – только это и имеет значение. Мы же считаем, что пресловутые метанавыки, житейская сметка, расторопность и многозадачность, столь превозносимые сейчас, суть компетенции лакейские – для тех, кто вечно на подхвате. Если "не при делах", волей-неволей начинаешь прислуживать лицам.

Одичание – это когда главное, чтобы не было хуже, ибо лучше уже точно не будет. Умение ориентироваться в перманентно тревожной ситуации куда актуальнее владения профессией. В джунглях незаменим туземец-проводник. Он может быть невежественным, грубым, корыстным и даже подловатым дикарём, главное – чтоб заветные тропки знал хорошо. Дикость – в господстве бытовой прагматики. Всё рассматривается с позиции удобства и простоты потребления: неспроста у цифровых аборигенов в ходу словечки "годнота", "доставляет и "зашло". В пору дикости знанию надлежит быть адаптивным, вот почему востребованы стреляные воробы, тёртые калачи и прочие бывалые профи в области безопасности (информационной или телесной – не столь важно). Они учат выживать. Существование как аналог конкурентного антагонизма: таков был некогда Дикий Запад и вообще вся эпоха первоначального накопления. Отчего ж не наступить эпохе первоначального упрощения, обнуления – коль скоро мы говорим о

цифре? В некотором роде арифметика digital-капитализма. Но дорастёт ли тот до высшей математики – вопрос более чем спорный.

Геймификация и понарошкинг

К прекариату принято причислять не только аморфную массу ЕГЭ-прокариотов; благодаря прорывам в области просвещения их преподаватели – там же. Как видим, контраст в уровне образования и культуры не имеет значения: объединяющим фактором выступает нестабильность положения, материальное неблагополучие, отсутствие уважения и перспектив. Сужение горизонтов планирования привело к близорукой мотивации. Так, оценка эффективности педагогических кадров учитывает их ивент-активность. Они, т.н. цифровые мигранты – миссионеры среди цифровых аборигенов поколения Z, посему вынуждены относиться к дикарям с опаской и оглядкой. Случается, интерактивная доска умнее ученика, к ней вызываемого – отсюда и нарочито доступное изложение учебного материала, и минимум требований и критики при максимальном поощрении любых проявлений лояльности школе и вузу. Прямо как у Д. Писарева: "равнодушие к самому предмету и желание отличиться перед учителем – воспитывают со школьной скамьи одного из тех бесчисленных общественных деятелей, которые от дела не бегают, а дела не делают".

Сторителлинг, дополненная реальность, акцент на прикладных знаниях: насаждаемый развлекательно-игровой (но при этом – "практико-ориентированный"!) подход реализуется в русле образовательного аскетизма, когда начитка необходимого выдаётся за достаточное, остальное же – дело прокачки. Вспомним Ф. Достоевского: "о завтрашнем дне стараются не думать. Этим-то свойством и держится тёмный человек". Дикарей цивилизуют, но не развивают. По сути, их безграмотность ради приличия драпируют фиговыми листьями дипломов. Освоение "компетенций" резко сужает диапазон социальных ролей, поскольку формирует скорее амплу, чем специализацию (в своё время Салтыков-Щедрин [11] удивительно точно классифицировал адвокатов сообразно водевильным клише).

Образование сводится к жонглированию англицизмами в духе балаганной самопрезентации. На тренингах и мастер-классах медийно успешные гроссмейстеры одноходовок выдают всё, на что способны: от чеховского "Пава, изобрази" до зверевского "Звезда в шоке". Многие вузы, поощряя действия наподобие научного стендапа и Science slam, до того увлеклись инноватикой приколизма и заигрались в шоу-профориентацию абитуриентов [3], что начали превращаться в центры передержки недорослей, чему свидетельство и своеобразная терминология, равно приемлемая в овощеводстве и кадровом менеджменте (бизнес-инкубатор, теплица социальных технологий).

Неосознанный мир всегда неразличим, вот отчего т.н. "зумеры" любой процесс считают флешмобом и тусовкой. Праздные люди всю жизнь ищут бессмысленных развлечений, чувство солидарности убито в них самими основами их существования, писал П. Кропоткин. Утрата ощущения реальности, упрощённость системы координат, в которой начисто отсутствует мировоззрение – всё это роднит цифровых аборигенов с незадачливыми обитателями Острова Невезения. По канонам обывательской прагматики молодёжи внушается: профессионализм сводится к технологии, надо лишь затвердить

заветные лайфхаки, после чего успех неотвратим и неизбежен. Это даже не дилетантизм (он требует любви к делу и, как правило, бескорыстен) – это торжествующе-верхоглядское невежество. Практика сильна постоянством и непрерывностью, контекстом. А лайфхаки непременно изымаются из контекста, так что большинство "практиков" в роли менторов попросту пустословят. Без системного образования дикое знание малоотлично от "вредных советов" Г. Остера. Практика – средство проверки, но не развития теории. Подлинный профессионализм перерастает ремесленные компетенции и формирующие их инструкции. Но то, что искушённый в своей теме делает уже интуитивно и "на глазок", новички чаще всего воспринимают как призыв халтурить – дескать, следовать правилам не обязательно. Они не понимают: превзойти правила дано лишь знающему их.

Обозначим самые типичные, на наш взгляд, нонсенсы и противоречия концепции "дикого знания". Во-первых, оно предполагает над-технологичность, тогда так "догоняющая парадигма образования" априори технологична. Стало быть, и дикое знание будет транслироваться как технология, иначе его признают неэффективным (или недостаточно диким). Объявились "эксперты", утверждающие, будто "учитель – самая инструментальная профессия" [4]. В подобных условиях производитель (продукта, контента или услуги – не важно) делается потребителем готового набора семплов и фич. Ничего не нужно выдумывать, достаточно следовать алгоритму и придерживаться опробованных на практике шаблонов. Технология – это идея, с которой соскоблили мораль. Ржавея, заюзанная технология вырождается в обряд: так ретро-схоластика университетов приближается к цифровой догме на армейский манер, с нормами положенности и безоговорочным их соблюдением (образовательные стандарты, регламенты и прочие жанры бюрократической прозы). Не зря симптоматика профкретинизма высмеивается в анекдотах о военных и байках про айтишников, ригидностью и конкретностью мышления давно перещеголявших людей в погонах.

Во-вторых, дикое знание доступно лишь в "домашних" условиях. Приведённый тезис подтверждается продвижением тренда корпоративного образования. Подчеркнём: опыт, получаемый при такой подготовке, условно ценен в пределах отдельно взятой организации, без теоретического обобщения и осмысления. Меняется руководство, и весь крепостной театр перезагружают или заставляют переучиваться заново, на вкус и прихоть нового барина.

В-третьих, и саму практику стали воспринимать как обнуление теории (расхожее "забудьте всё, чему учили в институте"), а молодёжь – как своего рода профессию. Коль скоро главными достоинствами считают гибкость и многозадачность, то наиболее востребованы полуфабрикаты – болванки, доводимые до кондиции на местах. Польза болванок в универсальности и, соответственно, заменяемости. Обкорнать новобранцев под ноль и приспособить для своих нужд. Всё можно освоить, посетив пару-тройку мастер-классов, бессистемно и едва ли не рефлекторно. Но зачем посвящать себя профессии, которую обещают вскоре заменить искусственным интеллектом?

Ошибка и сбой – первородный грех и фатум цифрового мира. По ошибке цифровые туземцы считают себя перспективными и успешными, но каждый из них успешен, как легендарно-виртуальный подпоручик Киж. В личном и карьерном росте им важно только годное для Инстаграм-контента, остальное недостойно внимания и старания. Интеракции становятся всё более отвлечённо-бессмысленными; это уже не взаимо-

действие, а бартер смайликами и лайками, патологическая зависимость от реакции Сети. Престиж и репутация профи большей частью – те же лайки и просмотры. Более солидный вариант – альтметрия: количество цитирований для учёных и выигранные дела для адвокатов (где статистика напоминает достижения боксёров). Тотальная шоу-ориентация привела к тому, что и т.н. "эффективные команды" формируются "на раз", под конкретную персону приглашённой звезды – ради придания проекту (п)шика беспрецедентности. Собираются для одноразовых дел группой лиц по предварительному сговору, как гласит формулировка уголовного права, где специфика российской экономики прописана на редкость детально и достоверно. Сам факт присутствия звёздного обладателя "дикого знания", эдакого великого Мганги, подразумевает неординарность задачи, которую тому придётся разрешать. Получается, нездоровая хайпомания способствует раздуванию проблемы из каждой мелочи, что свойственно как раз непрофессионалам, беспомощным даже в штатных ситуациях.

Самый явный симптом недообразованности – самодовольство (примерно то же было описано как эффект Даннинга-Крюгера). По меткой характеристике М. Бакунина, именно лучшие люди бывают менее всего убеждены в своих собственных заслугах; даже если они сознают их, то им обычно претит навязывать себя другим, между тем как дурные и средние люди, всегда собою довольные, не испытывают никакого стеснения в самопрославлении.

Генерация информационного шума стала доходнее производства стоимости. Практически во всех сферах обосновались PR-менеджеры и стратегические маркетологи, продвигающие бренд (к слову, человек как медийный персонаж – тоже бренд, это уже считают достижением). К чему рисковать репутацией ради чего-то заведомо сложного и непредсказуемого? Риск обоснован и благороден, буде оправдан и подготовлен (как всякая хорошая импровизация) опытом, знаниями и талантом. Когда всего этого нет, альтернатива "достижение успеха или избежание неудач" разрешается элементарно: избежание неудач есть средство достижения успеха – вот простейший метод получения прибыли за счёт снижения издержек. О каком профессиональном развитии можно говорить, когда учёного интересуют лишь гранты, адвокат берётся только за беспроектные дела, а врач, памятуя о "primum non nocere", пользуется здоровым человеком плацебо-терапией? То же – повсюду: с чиновниками (запрещать легче), работниками СМИ (проще купить франшизы сериалов и шоу), машиностроителями (сборка отечественных автомобилей из зарубежных деталей) и проч. С точки зрения менеджизма, "пиши-сокращай", "живи-упрощай" и "ври-управляй" – безотказные мантры самореализации.

Профессионал или профи?

Одичание в XXI веке – процесс скорее рукотворный, нежели естественный. Цифровизация сродни ваучеризации культуры, и последствия примерно те же. Всё дельное и живое безжалостно правится сколковскими прокрустами, для них высшая справедливость и гармония состоит в исчислении среднего арифметического. Огульное оцифрование идёт вразрез с культурой, ибо не признает нюансов. На язык инноваторов не перевести слово "начитанный", его некуда втиснуть между ярлыками "расшаренный" и "прошаренный". В известном смысле культуру можно уподобить парашюту: с ней ощущаешь полёт, без неё быстрее опускаешься. И профессионализм опускается, сползая с

концептуальных вершин к отделочным работам, где иногда обнаруживаются-таки люди, сведущие в ремесле.

С этой точки зрения любопытен ещё один показатель одичания – увлечение "философией agile", примитивным вариантом "теории малых дел". Аджайл-менеджеры оперируют понятием MVP – минимально жизнеспособного продукта, предназначенного для получения отзывов потребителей (в случае одобрения продукт дорабатывается). Разумеется, установке на перфекционизм (тем паче на уважение к себе как профессионалу) здесь не место. Наглядный пример, как одичание способно дойти до теоретизации элементарной халтуры. Слово почти вышло из употребления – халтура стала нормой и обзавелась эвфемизмом, как спекуляция (бизнес) и самогоноварение (частный спиртзавод). Перестали упоминать и о шабашниках: эти бастарды мотивации ныне именуются T-shaped people.

Назревает вопрос: если ориентиры стёрты, а ценности извращены – как отличить и где найти профессионала в VUCA-зазеркалье? Думаем, поможет попытка отличить грамотного и ответственного профессионала от знающего себе цену успешного профи. Роднит обоих персонажей постоянство и осознанность выбора рода занятий. Профессия не модное поветрие, её не меняют каждый сезон. Без постоянства профессию нельзя признать таковой, потому весьма комичными выглядят потуги наметить специальности будущего: онлайн-терапевт, игромастер (!), science-художник, биоэтик. Как видим, фантазия дизайнеров "Общества 5.0" под стать плоскости цифрового мира, в лучшем случае её хватает на соединение двух несвязуемых терминов. Куда абсурднее футуристическая вакансия "тренера творческих состояний" – вот уж действительно "конструктор побед, Королёв наших взлетов"! Правда, в спорте мастерству предшествуют годы изнурительно-монотонной практики. В отличие от дилетанта, профессионал поглощён не только тем, что увлекательно; он не боится ежедневной работы. Дилетант рутину игнорирует (или не замечает), профессионал её превосходит и потому преображает. Увы, подзабытый термин "мастера искусств" сейчас применим разве что к искусствам боевым.

Профессия может служить показателем культурного консерватизма, ибо уважаемой становится не сразу – требуется признание её социальной ценности. К тому же, приобщение к профессии несравнимо дольше, чем вложение в руки ремесла (иначе зачем существуют ПТУ и вузы?) Компетентность – понятие синтетическое и качественное, неразделяемое на подпункты компетенций и проценты их освоения. Концептуальное осмысление предполагает творческое усвоение общих положений при безусловном знании частных и нюансов [12]. Нет парадигмы – нет развития. Профессия требует наличия мировоззрения, но сама мировоззрением стать не может. Она скорее подобна оптическому инструменту, меняющему фокус и взгляд на действительность. Правда, в эпоху клипового мышления образ мыслей как таковой – уже редкость и своего рода эксклюзив. Говоря о гипер-компетенциях практиков, пророки цифрозоя противоречат сами себе: то, что они называют "диким знанием", на самом деле своеобразная теория – индивидуальный подход, выработанный опытом тех, у кого хватило мужества посвятить себя делу. Истинный профессионализм – за свободу в выборе средств, тогда как ремеслу хватает техники владения приёмами и орудиями. Профессионал не потерпит халтуры, причём вне зависимости от адекватности оплаты труда. Профи, всегда

соразмеряющий усилия со стимулами, не прочь ограничиться халтурой, если этого не заметят несведущие.

Энтузиасты перевелись, их вытеснило нахрапистое и расчётливое племя активистов. Работа, так же, как и любовь, избегает "общества", говорил П. Прудон. Профи же обязательно станет эксплуатировать хайп и медиаресурсы, а впоследствии докатится и до депутатских амбиций. Он более ориентирован на собственный успех и признание, чем на развитие и совершенствование и себя и профессии. Причина такого положения дел известна: где залог успеха в публичности, там единственный и самый заезженный социальный лифт – это политика. "Публичные люди вышли на дискуссионную панель" – не обязательно скабрёзные заметки, так сейчас могут озаглавить и репортаж с очередного шалтай-валдайского экономического форума. Профи непременно конъюнктурщик, профессионал – никогда: он не способен забронзоветь и не торопится цифровать, ему претит погоня за пиаром и ролевые игры в политику.

"Профи" – не более чем уровень условного служебного соответствия. И уж если начальственные особы в России не прочь побаловаться коррупцией, то и приближённых подбирают по талантам около-криминального свойства: конформизм, соблюдение кодекса молчания, сервильность, готовность выполнять "рискованные поручения". В ответ типа- "лидеры России" жаждут выйти из зоны комфорта, взыскав властного кормила и в перспективе – зоны, от которой на Руси не принято зарекаться. Стремясь сдвинуть лежачий камень отечественной экономики рычагом свободного рынка, клепто-реформаторы заведомо проигрывают и в силе и в расстоянии, зато неизменно выигрывают в личном благосостоянии. Немудрено, что изнанка власти становится её лицевой стороной, настолько опошлены принципы морали и права. Происходит подмена совести и профессиональной чести корпоративной этикой: последняя утилитарнее интерпретирует идеалы и закрепляет стандарты вместо принципов. Итак, профи – это профессионал минус социальная ответственность. На профи "любой, кто заплатил, имеет все права".

Свобода труда требует от человека высокого уровня сознательности и культуры. Профессия есть дело общественно значимое, а сегодня важнее себя продать; в приоритете личный заработок и сугубо материальный успех. Согласимся с А. Богдановым: "высокий тип организованности – товарищеская связь, опирающаяся на устранение всякого формального неравенства – недоступен творчеству буржуазии" [2]. Дикая конкуренция и стихийность в производстве сетевого контента (а что ещё ими производится?) делают нигилизм идеологией TikTok-генерации. Цифрозойские "властители дум" отчасти напоминают бомжей: пробавляются объедками с интернет-свалки и щеголяют в обносках чужих идей. При этом налицо простейшая многостаночность и многозадачность, где каждый сам себе продюсер, блогер и фолловер. Жаль, что не хейтер: самокритика (тем паче самоирония) начисто отсутствует в их культурном коде.

Стартап не гешефт, но стартаперство может им стать. Лучшим стартапом считается популистский стендап, набирает темпы КВНизация властного аппарата. Издевательское высмеивание, критиканство и обсуждение сплетен, спекуляция на социально болезненной тематике – вот немногочисленные сферы рентабельного вредительства под лозунгом "пипл хавает" (фраза приписывается российскому первофрику Богдану Титомиру). Как некогда дикари на охоте, цифровые туземцы – на вайбе, на позитиве, на стиле. Где угодно, лишь бы не на работе. Прискорбно, что сей

пример заразителен и для старшего поколения, которому и тяжело созерцать крах трудов всей жизни, и дико осознавать появление возможности внезапного (без труда и учёбы) обогащения. Профессиональный рост отсутствует по определению, есть лишь карьера "общественного деятеля и телеведущего" как первая стадия карьеры политической, а уж там публичный статус вовсе ни к чему не обязывает. Вследствие профанации утрачивается доверие к экс-профи, несущим дичь с высоких трибун. А обстановка всеобщей неприязни и предубеждения – разлагает общество, усугубляя массовое одичание.

В известном смысле дикость тоже форма самодостаточности, пусть и низшая. Обстоятельства, в которых выживают наши соотечественники, ёмко характеризуются признаками крайней необходимости: ежедневная чрезвычайность и невозможность избежать опасности без причинения вреда, те же требования условно-формальной правомерности. Показательно: перечисленные моменты (разумеется, с фирменным западным "сглаживанием акцентов") вписываются в аджайл-установки "вынужденной гибкости". В таких условиях сам ход вещей подталкивает к минимизации усилий на благо страны и к максимальному обеспечению собственной безопасности – любыми средствами. Едва ли стоит умиляться тому, что россияне стали больше работать на себя: профессор пишет дипломы на заказ, кинорежиссёр становится свадебным ивент-менеджером, а бывший спецназовец находит себя в ногтевом сервисе (и такое бывает!) Тут вовсе не социальная адаптированность или эластичность мышления; чаще всего такое свидетельствует о потерянности, не востребованности и, как следствие, профессиональной деградации. Словами М. Меньшикова, древнее, как продукт культуры, понятие о труде как священном долге, подменилось постепенно понятием о работе как неизбежном зле [6]. Отрадные, но эпизодические исключения, как всегда, подтверждают правило.

Оговоримся: возможно, российская версия одичания грешит колониальной аляповатостью и утрированностью, но именно это облегчает выявление нездоровых тенденций, характеризующих весь мир капитала, не исключая места обитания "золотого миллиарда". Инволюция профессионалов в профи – проблема масштабная и системная. Отдельно взятому работодателю (если тот вообще разбирается в том, чем руководит) доступно разве что попытаться оздоровить ситуацию посредством материального стимулирования настоящих специалистов – в ущерб активистам. А для нематериальной мотивации – великодушно позволить самим определять формы и направления повышения квалификации (профессионалам и впрямь виднее, как лучше). Пора вернуть слогану "доверьтесь профессионалам" его истинное содержание.

Подводя итог сказанному, подчеркнём: профессиональное одичание видится нам патологией социальной – в отличие от синдрома эмоционального выгорания, где ключевая причина всё же личная, психологическая. Беспорядочная "акселерация инноваций" и навязчивый поиск "точек кипения и прорыва" привели к тому, что громадное количество людей оказались не на своём месте. Предпосылками одичания мы считаем дестабилизацию и деморализацию, когда преднамеренное искажение системы жизненных координат списывается на некую "цифру", будто она – гнев Божий. То, что осталось от общества, стремительно расщепляется на элементарные частицы гаджет-зависимых особей, коим удобнее в искусственных экосистемах медиапространства. Одичание всегда происходит "в отрыве", оно обусловлено отчуждением и изоляцией,

будь то племя туземцев или опустившийся индивид. Удалённый – удаляет в себе индивидуальность. В профессии же необходимо ощущение сопричастности (а не только соучастия), принадлежности к сообществу коллег-единомышленников. Как показывает опыт, интернет-общение такого эффекта не даёт: даже в специальных соцсетях для профессионалов пользователи предпочитают самовыражаться, а не делиться опытом. Наладить полезные и не показушные профессиональные коммуникации мешает ещё и конфликт поколений: у молодых установки строго целевые, для советских людей ещё важны ориентиры нравственные, отчего один и тот же вопрос представителями разных поколений может истолковываться противоположно. На наш взгляд, это не взрослым следует адаптироваться к "цифре" (уже произошло, и без особых сложностей), это недорослям неплохо бы "цифру" перерастить. В сущности, неумные восторги, расточаемые дикому знанию – от острейшего дефицита Личностей и Подвижников, от неизбывной тоски по Учителю, имеющему своё мнение и видение предмета, идеологически убеждающему обучаемых. Расшарить и продать можно сведения, но знания – нельзя.

Рывком проблему не одолеть – невозможно игнорировать такую черту любой профессии, как обстоятельность. Предотвращение одичания требует целого комплекса продуманных и последовательных мер (а не мероприятий) на уровне государственной политики, первоначально – в области образования и социально-трудовых отношений. Не увлекаться штамповкой практикантропов и псевдо-инновационной экзотикой, составляя хит-парады модных специальностей, а учить и готовить кадры в вузах, где проактивность навыков обеспечена серьёзным концептуальным подходом – он ipso facto уже настроен на перспективу. Полагаем, именно так можно вернуть людям осознание смысла и места в жизни, и в конечном счёте – социальный оптимизм, без которого нелепо строить планы и посвящать жизнь профессии.

Литература

1. Батырев М. 45 татуировок продавана. – М., 2016. – 336с.
2. Богданов А. Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). – М., 1910. – 195с.
3. В вузах страны планируют открывать экзотические образовательные программы / INFOCUS PRESS. URL: <https://infocus.press/dengi-na-veter-ili-v-nogu-so-vremenem/>
4. Дима Зицер – об отношениях учителей с учениками и родителей с детьми // Вести образования. URL: <https://vogazeta.ru/articles/2020/2/13/pedagogika/11574-sovremennyh-detey-slozhnee-obmanut>
5. Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1986, – 639 с.
6. Меньшиков М.О. Выше свободы: статьи о России. – М., 1998. – 464с.
7. Морган Л. Древнее общество. Ancient society. – Ленинград: Издательство Института народов севера ЦИК СССР, 1935. – 346 с.
8. Нордстрём К. Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главная роль у городов и женщин. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 272с.
9. Нордстрём К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта. – М., 2011. – 296с.

10. Путин поручил запустить пилотный проект по оценке управленческих компетенций студентов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11293159>
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. – М., 2006. – Т.6. – 520с.
12. Симашенков П.Д. О мотивации работников умственного труда // Кадровик. 2020. – № 1. – С. 89–98.
13. Хан С. Весь мир – школа. Преобразованное образование. – М.: Классика XXI век, 2015. – 294с.
14. Harris M. Kids These Days: Human Capital and the Making of Millennials. ↑ -- Little, Brown and Company, 2017. – 261p.
15. Seligman M. The Hope Circuit. – New York: Public Affairs, 2018. – 260p.
16. Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. –New York, 2014. – 09p.